

Динамика защищенности прав и свобод граждан современной России (на примере Астраханской области)

Каргаполова Е. В.^{1,*}, Крипакова Д. Р.², Дулина Н. В.³

¹ Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация; *k474671@list.ru

² Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация

³ Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье на основе результатов мониторингового социологического исследования (2010–2016 гг.) рассматриваются субъективные оценки населением защищенности прав и свобод на примере конкретного субъекта Российской Федерации — Астраханской области. Анализ динамики индексов защищенности прав и свобод свидетельствует об ухудшении состояния правового пространства в регионе в последние годы. По ряду прав и свобод наблюдается увеличение интенсивности и успешности защиты. Но это увеличение в заданном временном интервале не сопоставимо с увеличением нарушаемости прав и свобод и снижением интенсивности их защиты. Рейтинг защищенности прав и свобод астраханцев (в порядке убывания) выглядит следующим образом: право на эмиграцию, свобода слова, право на образование и обучение, право частной собственности, право народа на его собственный язык и культуру, свобода объединений, групп, союзов, право на безопасность и защиту личности, право на тайну личной переписки, право на труд, свобода выбора вероисповедания (религиозная свобода) и свобода совести, право на равенство перед законом. Населением региона все более остро рефлексировались нарушения прав и свобод, необходимость их защиты. С одной стороны, это проявляет рост правового самосознания граждан, с другой стороны, может свидетельствовать об ухудшении социальной обстановки в регионе. Таким образом, результаты исследования выявляют необходимость трансформации системы защиты прав и свобод граждан.

Ключевые слова: права, свободы, защита, граждане, социальные нормы

Protection Dynamics of Rights and Freedoms of Modern Russia's Citizens (on the Example of Astrakhan Region)

Ekaterina V. Kargapolova^{a,*}, Dina R. Kripakova^b, Nadezhda V. Dulina^c

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation; *k474671@list.ru

^b Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

ABSTRACT

The article is based on the results of the monitoring sociological research (2010–2016) and considers the subjective assessment by citizens of their rights and freedoms protection on the example of a particular constituent of the Russian Federation — the Astrakhan region. Analysis of the dynamics of rights and freedoms protection indices indicates the deterioration of the legal space in the region in recent years. There has been an increase in the intensity and success of protection for a number of rights and freedoms. But this increase in protection in a given time interval is not comparable to an increase in the violation of rights and freedoms and a decrease in the intensity of their protection. The rating of the rights and freedoms protection of Astrakhan citizens (in descending order) is as follows: the right to emigration, freedom of speech, the right to education and training, the right to private property, the right of people to their own language and culture, freedom of Association, groups, unions, the right to security and protection of the individual, the right to privacy of personal correspondence, the right to work, freedom of choice of religion (religious freedom) and freedom of conscience, the right to equality before the law. The population of the region increasingly reflects violations of rights and freedoms, the need to protect them. On the one hand, this shows an increase in the legal consciousness of citizens, on the other hand, may indicate a deterioration in the social situation in the region. Thus the results of the study reveal the need to transform the system of protection of the citizens' rights and freedoms.

Keywords: rights, freedoms, protection, citizens, social norms

Введение

Народы Евразии сыграли важную роль в истории человеческой цивилизации. Переосмысление их исторического опыта, анализ современных реалий представляется актуальным в решении задач евразийской интеграции [3, с. 8]. Астраханская область Российской Федерации занимает стратегически важное евразийское положение. Этот регион можно назвать «вратами народов», так как через его территорию тысячелетиями многочисленные народы кочевали с Востока на Запад, что привело к складыванию полиэтнической и поликонфессиональной структуры региона [5]. После развала СССР регион получил приграничный статус и является стратегическим вектором в осуществлении российской внешней политики. «За счет своего географического положения Астраханская область по праву является ведущей геополитической платформой Российской Федерации в Каспийском регионе» [18, с. 119].

В предметном поле нашего исследования — трансформация правового пространства евразийского региона, к тому же обладающего приграничным статусом. Права и свободы человека и гражданина представляют собой полномочия правового, социально-экономического и духовного характера и обеспечивают нормальную жизнедеятельность человека, его защиту и возможности для личного развития [1, с. 74]. Исследователи подчеркивают универсальный характер прав и свобод, их неотъемлемую связь с природой человека, неотчуждаемый характер как основополагающую ценность, которая определяет суть и смысл существования человека в обществе [1, с. 74; 13, с. 46; 14, с. 633].

При этом отношение к правам и свободам обусловлено существующими моделями отношения человека и социума [6; 19, с. 63]. Так, в XX в. защита прав и свобод провозглашается первоочередной задачей социальных систем, развивающихся в русле идеологием демократии и правового государства [1, с. 74; 2, с. 34]. «На мировой арене утвердилась позиция, что отношение к правам человека не является внутренним делом отдельного государства. Именно права человека выступают в качестве основного критерия легитимности самого государства, поскольку оно ставит себя им на службу» [9, с. 165]. Таким образом, реализация прав и свобод человека и гражданина является одним из критериев атрибутирования социальных систем как современных, то есть соответствующих вызовам современной эпохи.

В Российской Федерации права и свободы человека закреплены основным законом — Конституцией РФ. «Конституцированная в России модель государственности связана стратегией оптимизации механизма пользования основными правами и свободами человека и гражданина» [2, с. 34]. Но исследователи отмечают неоднозначное отношение граждан к субъективным правам, которое приобретает черты правового нигилизма. Правовой нигилизм, по их мнению, вызван недоверием к власти и ее способности обеспечить реализацию прав» [19, с. 65]. Кроме того, до сих пор россиянами ценности прав и свобод могут восприниматься как заимствованные и даже навязанные феномены, чуждые традиционному российскому менталитету, в котором праву «предпочитаются справедливость, нравственность, совесть, моральный (гражданский) долг» [13, с. 52; 14, с. 633]. Это актуализирует исследование отношения россиян к правам и свободам.

Для предметной разработки проблематики из общей конституционной системы прав и свобод человека и гражданина целесообразно выделить систему их защиты. Значительная доля социальных норм в правовом государстве регулируется в контексте соблюдения прав и свобод граждан. Защищенность прав и свобод граждан является важнейшим показателем безопасности социального пространства и в этом контексте тесным образом связан с теми показателями, которые репрезентируют нормы, непосредственно регулируемые законом. Исследования комплекса проблем в сфере прав человека в формате конституционного единства «провозглашение — защита» актуализированы конституционной обязанностью российского государства по отношению к правам и свободам человека и гражданина. Рассмотрение различных аспектов защиты прав и свобод человека и гражданина востребовано в современной России неудовлетворительным качеством такой защиты уполномоченными на то институтами, имеющими различную правовую природу.

Методология исследования

В качестве методов использовался анализ статистической информации, а также результатов мониторингового социологического исследования под руководством Е. В. Каргаполовой в Астраханской области методом интервью по месту жительства по Типовой методике Всероссийской научно-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (руководители и разработчики инструментария на федеральном уровне — Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, ЦИСИ ИФ РАН)

[11]. Первый этап был проведен в декабре 2009 г. (N = 1000), второй — в мае-июне 2012 г. (N = 600), третий — в апреле-мае 2016 г. Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Котируемые признаки: «пол», «возраст», «тип поселения», «этническая структура». Погрешность выборки — 3%. Обработка и анализ данных проведены с использованием программного комплекса SPSS 17.0.

Инструментарий Типовой методики включает в себя вопросы интервью, посвященные различным аспектам жизнедеятельности региона [4]. В данной статье мы анализируем ответы астраханцев на вопрос: «Сталкивались ли вы с нарушениями следующих прав и свобод, как вы поступали в таких случаях и с каким результатом?»

На основе полученных ответов на этот вопрос были рассчитаны индексы соблюдения прав и свобод (**Ипс**) по самооценкам населения. Формула **Ипс**. $\text{Ипс} = \text{Кнн} + \text{Кз}$, где **Кнн** — коэффициент нарушения прав/свобод. Вычисляется как разность между 100-процентным соблюдением прав/свобод (= 1,0) и степенью фактической их нарушаемости (**Сн**): $\text{Кнн} = 1,0 - \text{Сн}$, где: **Сн** есть доля тех, кто сталкивался с нарушениями прав/свобод, от всех опрошенных. Соответственно, **Кнн** может иметь диапазон значений от 0,01 (если нарушаются права/свободы почти всех граждан) до 1,0 (если не нарушаются права/свободы ни одного гражданина). **Кз** — коэффициент защищенности (успешной защиты) нарушенных прав/свобод; он вычисляется как произведение **Кнн** на коэффициент интенсивности защиты нарушенных прав/свобод (**Ки**) и на коэффициент успешности их отстаивания (**Ку**): $\text{Кз} = \text{Кнн} * \text{Ки} * \text{Ку}$, где: **Ки** — доля тех, кто пытался отстаивать нарушенные права/свободы, от всех, кто сталкивался с нарушениями (**Сн**); **Ку** — доля тех, кому чаще удавалось отстаивать нарушенные права/свободы, от всех, кто пытался их отстаивать (**Ки**) [15, с. 794].

Проведен также сравнительный анализ результатов исследования, полученных в Астраханской области, с результатами опросов в других регионах России, в которых опрос проводился по аналогичной методике (в частности, в Курской области и Тюменском регионе) [17; 16; 7]. Это позволяет повысить достоверность полученных результатов.

Основные результаты

За исследуемый, достаточно небольшой период — с 2010 по 2016 гг. — в Астраханской области существенно увеличилась доля населения, которая столкнулась с нарушениями прав и свобод: если в 2010 г. эта доля составляла от 5% до 19%, то в 2016 г. — от 17% до 32% по различным категориям прав и свобод (табл. 1). Необходимо подчеркнуть, что увеличение нарушаемости зафиксировано абсолютно по всему перечню конституционных прав и свобод, которые были предложены респондентам в Астраханской области. Так, нарушаемость свободы вероисповедания и свободы совести увеличилась на 15%, нарушаемость права на тайну личной переписки — на 14%, равенства перед законом — на 13%, прав на эмиграцию, частную собственность и права народа на собственный язык и культуру — на 12%, прав на труд и образование — на 11%, свободы слова — на 8%, свободы объединений, групп, союзов — на 7%, личной безопасности — на 4%. При этом доля отказавшихся отвечать или затруднившихся в ответе на вопрос о нарушаемости прав и свобод, которая в 2010 г. колебалась в пределах 11,2–22% по различными категориям прав, в 2016 г. снизилась очень существенно и составила 3,4–8,6%.

На основе полученных результатов мониторингового социологического исследования нами был рассчитан индекс соблюдения прав и свобод (**Ипс**) и его составляющие (табл. 2). Итоги этого расчета следующие. Рост нарушаемости прав и свобод, среднее значение которого выросло с 11% до 24%, то есть более чем в два раза, привел к снижению значения коэффициента нарушения прав с 0,87 до 0,76. По ряду прав и свобод наблюдается увеличение интенсивности и успешности защиты. Но среднее значение интенсивности защиты снизилось с 0,56 в 2010 г. до 0,49 в 2012 г., и в 2016 г. не зафиксировано его существенное увеличение (0,51). Увеличилось среднее значение успешности защиты с 0,63 в 2010 г. до 0,69 в 2012 г. и 0,7 в 2016 г. Но это увеличение в заданном временном интервале пока что не сопоставимо с увеличением нарушаемости прав и свобод и снижением интенсивности их защиты. Это отражается в снижении среднего значения коэффициента защищенности с 0,31 в 2010 г. до 0,25 в 2012 г. и 2016 г. Также снижается интегральный индекс соблюдения прав и свобод по всему их перечню. И если среднее значение **Ипс** в 2010 г. было равно 1,18, то уже в 2012 г. — 1,12, а в 2016 г. снизилось еще в большей степени — до 1,04.

Наиболее защищены астраханцы в своем праве на эмиграцию (первое место в перечне по значению индекса соблюдения прав и свобод в 2012 г. и 2016 г., тогда как в 2010 г. — 4–5-е место, 1-е место по ненарушаемости этого права за весь период исследования). Растет интенсивность и успешность защиты этого права. Хотя и необходимо вновь подчеркнуть, что увеличение нарушаемости

зафиксировано по всему перечню прав и свобод, что привело к падению значений индекса соблюдения прав и свобод. Это касается также и права на эмиграцию, с нарушением которого в 2016 г. столкнулся уже каждый шестой астраханец.

Рост нарушаемости прав и свобод, среднее значение которого выросло с 11% до 24%, то есть более чем в два раза, привел к снижению значения коэффициента ненарушения прав с 0,87 до 0,76. По ряду прав и свобод наблюдается увеличение интенсивности и успешности защиты. Но среднее значение интенсивности защиты снизилось с 0,56 в 2010 г. до 0,49 в 2012 г., и в 2016 г. не зафиксировано его существенное увеличение (0,51). Увеличилось среднее значение успешности защиты с 0,63 в 2010 г. до 0,69 в 2012 г. и 0,7 в 2016 г. Но это увеличение в заданном временном интервале пока что несопоставимо с увеличением нарушаемости прав и свобод и снижением интенсивности их защиты. Это отражается в снижении среднего значения коэффициента защищенности с 0,31 в 2010 г. до 0,25 в 2012 г. и 2016 г. Также снижается интегральный индекс соблюдения прав и свобод по всему их перечню. И если среднее значение **Ипс** в 2010 г. было равно 1,18, то уже в 2012 г. — 1,12, а в 2016 г. снизилось еще в большей степени — до 1,04.

Наиболее защищены астраханцы в своем праве на эмиграцию (первое место в перечне по значению индекса соблюдения прав и свобод в 2012 г. и 2016 г., тогда как в 2010 г. — 4–5-е место, 1-е место по ненарушаемости этого права за весь период исследования). Растет интенсивность и успешность защиты этого права. Хотя и необходимо вновь подчеркнуть, что увеличение нарушаемости зафиксировано по всему перечню прав и свобод, что привело к падению значений индекса соблюдения прав и свобод. Это касается также и права на эмиграцию, с нарушением которого в 2016 г. столкнулся уже каждый шестой астраханец.

Второе место в рейтинге соблюдения прав и свобод астраханцев 2016 г. занимает свобода слова. По коэффициенту защищенности свобода слова в 2016 г. вышла на первое место, по интенсивности защиты — на 1–2-е место, по ненарушаемости — на третье. При этом успешность защиты этой свободы снизилась с 0,76 (2-е место) в 2010 г. до 0,69 (6–7-е место) в 2012 г. и 0,68 (7–8-е место) в 2016 г. С нарушением свободы слова в 2016 г. столкнулся каждый четвертый астраханец.

Третье место в рейтинге занимает право на образование и обучение. Как отмечает С. И. Коданева, «право на образование является уникальным явлением, поскольку само по себе, будучи основополагающим правом, оно одновременно выступает в качестве механизма реализации многих других гражданских и политических, экономических и социальных прав» [8, с. 133]. При этом в Астраханской области снизились интенсивность защиты этого права с 0,69 (1–2-е место) в 2010 г. до 0,57 (1–2-е место) в 2012 г. и 0,5 (6–8-е место) в 2016 г. и его защищенность в целом (с 0,44 [1-е место] в 2010 г. до 0,31 в 2012 и 2016 гг. [1–2-е и 2–4-е места соответственно]). Нарушения этого права коснулись в 2016 г. каждого четвертого-пятого астраханца. Хотя и выросла успешность защиты этого права. И если в 2010 г. по данному показателю право на образование занимало 3-е место в рейтинге (значение 0,71), в 2012 г. — 9-е место (значение 0,65), то в 2016 г. вышло на 1-е место (значение 0,79).

С четвертого по шестое место в рейтинге 2016 г. соблюдения прав и свобод в Астраханской области занимают право частной собственности, право народа на его собственный язык и культуру и свобода объединений, групп, союзов. С нарушениями права частной собственности столкнулся каждый четвертый астраханец, права народа на язык и культуру — каждый четвертый-пятый, свободы объединений, групп, союзов — каждый пятый. При этом интенсивность и успешность защиты права частной собственности выросли. И интенсивность защиты этого права даже вышла на 1–2-е место в рейтинге 2016 г.

А право народа на собственный язык и культуру, соблюдение которого особенно важно в полиэтничном и поликонфессиональном регионе, напротив, снижает свои позиции в рейтинге по всем составляющим индекса соблюдения прав и свобод человека и его интегральному значению. Особо отметим, что в 2010 г. и 2012 г. успешность защиты этого права занимала 1-е место в рейтинге, а в 2016 г. опустилась на 7–8-е место.

Соблюдение свободы объединений, групп, союзов, напротив, имеет позитивную динамику в рейтинге, растет интенсивность защиты этого права. По коэффициенту ненарушаемости данная свобода заняла в 2016 г. 2-е место в рейтинге.

Далее в рейтинге следует пятерка самых нарушаемых в Астраханской области прав, из которых 7-е место занимает право на безопасность и защиту личности. С нарушениями данного права в 2016 г. столкнулся каждый четвертый астраханец. Существенно снижается интенсивность защиты этого права, которая в 2010 г. и 2012 г. занимала 1–2-е место в рейтинге. Но также существенно увеличивается успешность его защиты с 0,55 (9-е место) в 2010 г., до 0,67 (8-е место) в 2012 г. и 0,65 (3-е место).

8-е место занимает соблюдение права на тайну личной переписки, нарушения которого затронули в 2016 г. каждого четвертого-пятого астраханца. При этом существенно увеличивается интенсивность и успешность защиты данного права.

На 9-м месте в рейтинге соблюдения прав и свобод 2016 г. находится право на труд, с его нарушениями в этом же году столкнулся уже каждый третий-четвертый астраханец. Количественные показатели интенсивности защиты этого права снижаются (несмотря на подъем места в рейтинге). Успешность защиты этого важнейшего права, напротив, растет и занимает в 2016 г. 2-е место в рейтинге. То есть все меньше астраханцев решаются в противостоянии с работодателем защищать свое право на труд, но среди тех, кто решается это сделать, растет доля выигравших это противостояние.

10-е место (предпоследнее = одно из самых нарушаемых прав и свобод) в 2016 г. заняла свобода выбора вероисповедания (религиозная свобода) и свобода совести. С нарушениями данной свободы в поликонфессиональном регионе сталкивается каждый четвертый. Регион находится в зоне цивилизационного пересечения христианского и мусульманского миров. Но с учетом снижения интенсивности и успешности защиты этого права, его ненарушаемости могут усиливаться тенденции цивилизационного разлома между этими мирами.

Последнее место по соблюдению прав и свобод за весь период исследования занимает право на равенство перед законом. С нарушениями этого права в 2010 г. сталкивался каждый четвертый, в 2016-м — уже каждый третий астраханец. Снижается интенсивность защиты этого права; успешность защиты хотя и увеличивается, но занимает также последние места в рейтинге. Подобная ситуация зафиксирована в Тюменской, Курской областях [17, с. 237–238; 16, с. 223; 7, с. 177–178]. «Соответственно, вопрос об утверждении в стране правового государства, как показывают результаты полевых социологических исследований, весьма далек от своего разрешения» [7, с. 178].

Выводы

Интегральное значение индекса соблюдения прав и свобод снизилось с 2010 г. до 2016 г. в случае с религиозными свободами и свободой совести на 0,26, с правом на образование и обучение — на 0,24, правом народа на его собственный язык и культуру — на 0,23, со свободой слова — на 0,18, равенством перед законом — на 0,16, правом частной собственности — на 0,14, правом на труд — на 0,12, правом на эмиграцию — на 0,1, правом на безопасность и защиту личности — на 0,09, правом на тайну личной переписки — 0,05, свободой объединений, групп, союзов — на 0,04. С учетом этого произошли структурные изменения в рейтинге соблюдения прав и свобод: если в 2010 г. в пятерку самых нарушаемых прав входили (в порядке убывания нарушаемости): право на равенство перед законом, право на тайну личной переписки, свобода объединений, групп, союзов, право на труд и право на безопасность и защиту личности, то в 2016 г. — равенство перед законом, религиозные свободы и свобода совести, право на труд, право на тайну личной переписки, право на безопасность и защиту личности.

Таким образом, динамика результатов мониторингового социологического исследования проявляет изменения в системе защиты прав и свобод граждан в пределах конкретного региона Российской Федерации. Населением региона все более остро рефлексировались нарушения прав и свобод, необходимость их защиты, что в результатах исследования отражается в снижении доли затруднившихся и отказавшихся от ответа на вопрос о соблюдении прав и свобод и траекториях их защиты. С одной стороны, это проявляет рост правового самосознания граждан. С другой стороны, снижение индексов соблюдения прав и свобод может свидетельствовать об ухудшении социальной обстановки в регионе.

Одна из возможных причин — дисфункция системы правоохранительных органов, которая отражается в снижении числа регистрируемых преступлений. Как отмечает Н. А. Лопашенко, пик числа обращений с заявлениями о регистрации преступлений приходится в Российской Федерации на 2006 г. Это, по ее мнению, с одной стороны, может свидетельствовать о росте социальной активности граждан, о том, что они перестали бояться обращаться в органы МВД и стали чаще апеллировать к защите закона. С другой стороны, исследователь обращает внимание на огромную, почти что в два раза, разницу между темпами подачи заявлений о преступлениях и их регистрацией. И рост регистрации преступлений не повлиял на количество привлеченных к ответственности, что вызывает справедливый вопрос: что это за преступления без преступников? Исследователь предполагает, что «российская правоохранительная система перестала к этому периоду справляться с валом преступности, она была рассчитана на гораздо менее высокий ее уровень, она полностью исчерпала свои ресурсы на уровне примерно двух с половиной миллионов преступлений в год. И поэтому

часть зарегистрированных уголовных дел не нашла реализации даже в привлечении к уголовной ответственности на уровне дознания и предварительного следствия... С 2007 г. мы наблюдаем следующее — чем больше становится заявлений о преступлениях, поданных в ОВД, тем меньше их регистрируется... В период с 2007 по 2012 г. количество поданных заявлений выросло на 5%, а количество зарегистрированных преступлений снизилось на 35,7%...» [11, с. 139].

Другой возможной причиной ухудшения социальной обстановки в регионе, индикатором которой служит снижение значений индексов соблюдения прав и свобод, является мировой социально-экономический кризис, который начался в 2007 г. По мнению исследователей, в периоды экономического роста формируются новые социальные структуры, наблюдается быстрый рост среднего класса, выступающего в роли инициатора институционализации прав и свобод человека и гражданина. Но угроза монополизации рынков в условиях экономических кризисов влечет за собой также угрозы правам и свободам человека [12].

Литература

1. Алексеева С. Ю. Право на образование в системе основных социально-экономических прав и свобод человека и гражданина // Современное право. 2007. № 7. С. 74–81.
2. Бородин В. В., Красс В. И. Некоторые философско-правовые аспекты проблемы злоупотребления правами и свободами человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 6 (245). С. 34–56.
3. Глазьев С. Ю. О содержании нового этапа евразийской экономической интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2016. № 2 (20). С. 7–8.
4. Дулина Н. В., Каргаполова Е. В. Между заторможенным ростом и развитием модернизации регионов. Южный федеральный округ // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 22–29.
5. Дулина Н. В., Каргаполова Е. В., Наумов И. Н. Врата народов: Южный федеральный округ в социокультурном пространстве России // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 1 (29). С. 88–97.
6. Каргаполова Е. В., Крипакова Д. Р. Динамика правосознания в условиях трансформации (на примере Астраханской области) // Гуманитарные исследования. 2017. № 3. С. 185–192.
7. Когай Е. А., Пасовец Ю. М., Когай А. А., Яцкова Д. С. Курская область на социокультурной карте России. Курск : МУП «Курская городская типография», 2015. 236 с.
8. Коданева С. И. Право на образование в системе прав и свобод человека (обзор) // Права человека: Законодательство и судебная практика. Сб. науч. тр. Сер. «Правоведение». Центр социальных науч.-информ. исслед. Отдел правоведения; РАП. Отв. ред. Е. В. Алферова, И. А. Конюхова. М., 2009. С. 133–143.
9. Кондрат И. Н. Международные акты о правах и свободах личности и их роль в национальном уголовном процессе // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 2 (23). С. 163–168.
10. Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация, 2010). М. : ИФРАН, 2010. 111 с.
11. Лопашенко Н. А. Размышления о регистрации преступности в России // Союз криминалистов и кримиологов. 2013. № 2. С. 131–139.
12. Лушников Д. А., Барсукова Т. И. Вызовы и угрозы правам и свободам человека в ситуации мирового социально-экономического кризиса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3–2. С. 121–126.
13. Осин В. Н. Общепризнанные социальные ценности (свобода, право, права и свободы, государство) и правовой менталитет // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 46–55.
14. Попова К. В. О правах и свободах человека и гражданина в России // Science Time. 2015. № 12 (24). С. 632–636.
15. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте [Текст] / сост. и общ. ред.: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева; Институт философии. Центр изучения социокультурных изменений. Научно-координационный совет секции ФСПП ООО РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». М. : Academia, 2009. 808 с.
16. Социокультурная эволюция и динамика социально-экономического развития Тюменского региона / сост. и общ. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. Тюмень : ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет», Тюменская областная Дума, 2013. 333 с.
17. Социокультурный портрет Тюменской области: коллективная монография / науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Юдашкин. Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2011. 356 с.
18. Чапковская Е. А. Астраханская область в системе геополитических координат Каспийского региона // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 2 (47). С. 118–123.
19. Шиянова И. О., Бакланова О. А. Роль социокультурных детерминант в формировании представлений о правах, свободах и ответственности в российском обществе // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. 2016. № 2. С. 63–66.

Ответы астраханцев на вопрос: «Сталкивались ли вы с нарушениями следующих прав и свобод, как вы поступали в таких случаях и с каким результатом?», % от опрошенных

Варианты ответов	Не сталкивался с нарушением прав			Не пытался отстаивать нарушенные права			Чаще удавалось отстаивать нарушенные права			Чаще не удавалось отстаивать нарушенные права			Никогда не удавалось отстаивать нарушенные права			Не знаю			Отказ от ответа		
	2010	2012	2016	2010	2012	2016	2010	2012	2016	2010	2012	2016	2010	2012	2016	2010	2012	2016	2010	2012	2016
Свобода слова	73	71	76	3	6	7	6	6	8	2	3	4	2	2	1	7	7	2	7	6	1
Право на безопасность и защиту личности	70	66	72	4	7	11	7	8	9	6	4	3	1	2	1	4	7	2	7	6	1
Свобода объединений, групп, союзов	72	68	73	3	6	9	2	3	6	1	2	3	4	2	1	9	12	5	8	7	1
Право народа на его собственный язык и культуру	73	74	74	3	5	9	4	3	7	1	1	4	1	1	2	9	10	2	8	5	2
Религиозные свободы и свобода совести	73	74	72	3	6	11	3	4	7	2	1	4	1	1	2	7	8	3	11	6	1
Равенство перед законом	65	59	63	5	10	13	6	9	10	6	6	6	2	3	3	6	7	3	11	6	2
Право на труд	66	67	67	5	8	12	6	8	12	4	3	3	1	1	1	6	6	3	11	6	1
Право частной собственности	69	68	70	3	7	10	5	7	11	4	2	4	2	2	1	6	0	3	11	7	1
Право на образование и обучение	71	72	73	3	7	9	5	5	9	2	3	2	1	1	2	9	6	3	9	6	2
Право на тайну личной переписки	72	76	71	3	3	10	2	4	8	2	1	3	1	1	2	9	7	4	10	6	2
Право на эмиграцию	72	75	75	2	3	7	1	2	6	1	1	2	1	1	2	10	10	6	13	8	2

Динамика соблюдения прав и свобод

Права и свободы	Доля тех, кто сталкивался с нарушениями прав (Сн, %) / ранги			Коэффициент интенсивности защиты (Ки) / ранги			Коэффициент успешности защиты (Ку) / ранги		
	2010	2012	2016	2010	2012	2016	2010	2012	2016
Свобода слова	13 / 5	16 / 5–6	21 / 9	0,63 / 3–4	0,51 / 5–6	0,59 / 1–2	0,76 / 2	0,69 / 6–7	0,68 / 7–8
Право на безопасность и защиту личности	19 / 1–2	21 / 2–3	25 / 4	0,69 / 1–2	0,57 / 1–2	0,50 / 6–8	0,55 / 9	0,67 / 8	0,75 / 3
Свобода объединений, групп, союзов	11 / 6–7	13 / 7	20 / 10	0,34 / 10–11	0,40 / 10–11	0,46 / 9–10	0,65 / 4–5	0,56 / 11	0,67 / 9
Право народа на его собственный язык и культуру	10 / 8	11 / 9	22 / 7–8	0,51 / 7–8	0,43 / 8–9	0,51 / 4–5	0,82 / 1	0,76 / 1	0,68 / 7–8
Религиозные свободы и свобода совести	9 / 9–10	12 / 8	24 / 5	0,56 / 9	0,45 / 7	0,45 / 11	0,65 / 4–5	0,74 / 2–4	0,64 / 10
Равенство перед законом	19 / 1–2	27 / 1	32 / 1	0,62 / 5	0,54 / 3–4	0,50 / 6–8	0,48 / 11	0,60 / 10	0,61 / 11
Право на труд	17 / 3	21 / 2–3	29 / 2	0,61 / 6	0,54 / 3–4	0,53 / 3	0,58 / 8	0,69 / 6–7	0,78 / 2
Право частной собственности	14 / 4	18 / 4	26 / 3	0,63 / 3–4	0,51 / 5–6	0,59 / 1–2	0,60 / 6–7	0,74 / 2–4	0,72 / 5
Право на образование и обучение	11 / 6–7	16 / 5–6	22 / 7–8	0,69 / 1–2	0,57 / 1–2	0,50 / 6–8	0,71 / 3	0,65 / 9	0,79 / 1
Право на тайну личной переписки	9 / 9–10	10 / 10	23 / 6	0,34 / 10–11	0,40 / 10–11	0,46 / 9–10	0,53 / 10	0,72 / 5	0,71 / 6
Право на эмиграцию	5 / 11	7 / 11	17 / 11	0,51 / 7–8	0,43 / 8–9	0,51 / 4–5	0,60 / 6–7	0,74 / 2–4	0,73 / 4
Среднее значение	11	16	24	0,56	0,49	0,51	0,63	0,69	0,70

человека в Астраханской области

Коэффициент ненарушаемости прав (Кнн) / ранги			Коэффициент защищенности (Кз) / ранги			Индекс соблюдения прав и свобод (Ипс) / ранги		
2010	2012	2016	2010	2012	2016	2010	2012	2016
0,87 / 7	0,84 / 6–7	0,79 / 3	0,42 / 2	0,30 / 3–5	0,32 / 1	1,29 / 2	1,14 / 6	1,11 / 2
0,81 / 10–11	0,79 / 9–10	0,75 / 8	0,31 / 6	0,30 / 3–5	0,28 / 6	1,12 / 7–8	1,09 / 8	1,03 / 7
0,89 / 5–6	0,87 / 5	0,80 / 2	0,20 / 10	0,19 / 11	0,25 / 8–9	1,09 / 9	1,06 / 10	1,05 / 4–6
0,90 / 4	0,89 / 3	0,78 / 4–5	0,38 / 3	0,29 / 6–8	0,27 / 7	1,28 / 3	1,18 / 2	1,05 / 4–6
0,91 / 2–3	0,88 / 4	0,76 / 7	0,33 / 4–5	0,29 / 6–8	0,22 / 10	1,24 / 4–5	1,17 / 3	0,98 / 10
0,81 / 10–11	0,73 / 11	0,68 / 11	0,24 / 9	0,24 / 10	0,21 / 11	1,05 / 11	0,97 / 11	0,89 / 11
0,83 / 9	0,79 / 9–10	0,71 / 10	0,29 / 7–8	0,29 / 6–8	0,29 / 5	1,12 / 7–8	1,08 / 9	1,00 / 9
0,86 / 8	0,82 / 8	0,74 / 9	0,33 / 4–5	0,31 / 1–2	0,31 / 2–4	1,19 / 6	1,13 / 7	1,05 / 4–6
0,89 / 5–6	0,84 / 6–7	0,78 / 4–5	0,44 / 1	0,31 / 1–2	0,31 / 2–4	1,33 / 1	1,15 / 5	1,09 / 3
0,91 / 2–3	0,90 / 2	0,77 / 6	0,16 / 11	0,26 / 9	0,25 / 8–9	1,07 / 10	1,16 / 4	1,02 / 8
0,95 / 1	0,93 / 1	0,83 / 1	0,29 / 7–8	0,30 / 3–5	0,31 / 2–4	1,24 / 4–5	1,23 / 1	1,14 / 1
0,87	0,84	0,76	0,31	0,25	0,25	1,18	1,12	1,04

Об авторах:

Каргаполова Екатерина Владимировна, профессор кафедры политологии и социологии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, (Москва, Российская Федерация), профессор, доктор социологических наук, доцент; k474671@list.ru

Крипакова Дина Равильевна, и. о. заведующего кафедрой гражданского права Астраханского государственного университет (г. Астрахань, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; kripakova2013@mail.ru

Дулина Надежда Васильевна, профессор кафедры социологии Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Российская Федерация), профессор, доктор социологических наук; nv-dulina@volsu.ru

About the authors:

Ekaterina V. Kargapolova, Professor of Chair of Politology and Sociology of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation), Doctor of Socioilogy, Associate Professor; k474671@list.ru

Dina R. Kripakova, Acting Head of Chair of Civil Law of Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation), Doctor of Law, Associate Professor; kripakova2013@mail.ru

Nadezhda V. Dulina, Professor of Chair of Sociology of Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation), Doctor of Socioilogy, Associate Professor; nv-dulina@volsu.ru